

Источники

СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. № 9 — Этнографические вещи, купленные для Музея Императорской Академии Наук в Ново-Архангельском порте (на острове Ситхе). Л. 193–200.

СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1845. № 12. Этнографические вещи, приобретенные для Коллекций Музеума Императорской Академии Наук в Ново-Архангельском порте на остр. Ситхе. Л. 18–21 об.

Библиография

Головнин В.М. Путешествие вокруг света, совершенное на военном шлюпе «Камчатка» в 1817, 1818 и 1819 годах флота капитаном Головным. М.: Мысль, 1965.

Васильев М.Н. Записки о Калифорнии (из фрагментарных черновых записок о кругосветном плавании шлюпов «Открытие» и «Благонамеренный» в 1819–1822 гг.). 1821 г., не ранее 11 февраля // Россия в Калифорнии: русские документы о колонии Росс и российско-калифорнийских связях, 1803–1850: В 2-х т. / Сост. и подгот. А.А. Истомина, Дж. Р. Гибсона, В.А. Тишкова. М.: Наука, 2005. Т. 1. С. 346–375.

Кожин П.М. Плетеные сосуды индейцев Калифорнии // Культура и быт народов Америки. Л.: Наука, 1967. С. 124–139. (Сборник МАЭ. Т. XXIV).

Ляпунова Р.Г. Экспедиция И.Г. Вознесенского и ее значение для этнографии Русской Америки // Культура и быт народов Америки. Л.: Наука, 1967. С. 5–33. (Сборник МАЭ. Т. XXIV).

Л. С. Лаврентьева

ПОЕЗДКА Н. А. ШАБУНИНА НА КАПИЦЕ НЕНЦЕВ

В статьях, посвященных истории формирования коллекционного фонда Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (далее — МАЭ РАН), имя Н.А. Шабунина среди крупнейших собирателей коллекций не упоминается. Между тем только в МАЭ (а его коллекции есть и в Российском этнографическом музее) насчитывается около 150 предметов и столько же фотографий по русскому населению, которые числятся за отделом Европы, и 115 предметов по культуре ненцев (старое название — самоеды)

Архангельской губернии, которые хранятся в отделе Сибири, собранных Н.А. Шабуниним.

В этот раз я решила сосредоточить внимание на поездке Н.А. Шабунина на капище ненцев и взяла смелость обратиться к его коллекциям, числящимся за отделом Сибири. О коллекциях Н.А. Шабунина по ненцам писала Л.В. Хомич в статье «Коллекции МАЭ по этнографии ненцев», где она говорила о том, что фонды МАЭ по европейским ненцам существенно пополнились благодаря собирательской деятельности Н.А. Шабунина. Им были приобретены для музея предметы быта и культа с п-ва Канин, из Тиманской, Малоземельской и Большеземельской тундры (115 предметов культа и быта — колл. 1154, 1155, 1164) [Хомич 1980: 50]. Сами коллекционные вещи так и не стали предметом исследования.

В коллекции под номером 1154 были зарегистрированы предметы культа, привезенные Н.А. Шабуниним с капища (мольбища) Кузьмин Канинского полуострова. Когда-то в этой коллекции насчитывалось 44 предмета. Еще в 1951 г. эти предметы были в сохранности. Об этом говорит запись В. Андроповой. В коллекцию были зарегистрированы фрагменты верхушек берез, веток, на которых были укреплены различные предметы (тряпочки разного цвета, прядево, ремешок из тюленьей кожи, кусочек оленьей челюсти, медная цепочка, колокольчик, кольца, женская кичка с парчовым верхом и т.п.). В настоящее время в коллекции осталось только пять предметов. Есть предположение, что в результате неправильного хранения громоздкие вещи, состоящие из органических материалов (кость и дерево), были разрушены. Первая регистрация этой коллекции проводилась 29 октября 1907 г. В 1914 г. Л.Я. Штернберг включил в нее еще три предмета под номерами 42, 43, 44.

Что сохранилось в этой коллекции? Под номером 37— небольшой деревянный шест, ствол ели, который использовали в качестве жертвы духам. На расстоянии 21 см на шесте укреплен плетеный ремешок, когда-то красного цвета, к нему привязаны два медных колечка и лоскуток сукна. Длина ствола 136 см, максимальная окружность 10,5 см. Под номерами 40 и 41 зарегистрированы деревянные обода (обчайки. — Л.Л.) от шаманских бубнов. Обод

под номером 40 имеет диаметр 31–36 см, высота обода 5,5 см. На нем когда-то было семь резонаторов, сохранилось только четыре, от трех остались только фрагменты. Под номером 42 числится голова оленя с рогами, в черепе имеется сквозное отверстие. Под номером 43 зарегистрирован череп оленя с рогами.

В коллекции под номером 1155 зарегистрировано 42 предмета. Здесь представлена одежда самоедов (ненцев): шуба невесты, детский костюм, обувь невесты, обувь молодого парня, праздничная мужская обувь, две сумочки и две куклы. Все предметы в достаточно хорошем состоянии. В описи этой коллекции имеются четыре листа с рисунками (предметов № 6 — игольник, № 21 — штаны детские, № 7 — сумочка). Кто выполнил рисунки, сказать сложно.

Коллекция под номером 1164. Первая регистрация предметов проводилась 12 ноября 1907 г. В коллекции 40 номеров и 42 предмета. Здесь представлены вещи, связанные с хозяйственной деятельностью ненцев (сеть для ловли рыбы, луки и колчаны, оленья упряжь, лыжи и др.).

Художник и фотограф, бывший корреспондент музея Николай Авенирович Шабунин был принят на работу в МАЭ РАН в 1904 г. В том же году он был командирован музеем в Мезенский уезд Архангельской губернии для сбора этнографического материала. Цель своего путешествия Н.А. Шабунин определил так: «Путешествовавший по окраинам Севера с художественно-научною целью, собирания материала по этнографии».

Три года подряд начиная с 1904 г. Н.А. Шабунин присылал в музей прекрасные этнографические коллекции по традиционной культуре ненецкого населения Архангельской губернии. В Архиве Академии наук хранятся многочисленные письма от Н.А. Шабунина и от его помощников, которые заканчивали работу после его неожиданной смерти и не дали погибнуть коллекциям, которые он уже собрал или заказал для музея. Первые письма Н.А. Шабунина были адресованы Л.Я. Штернбергу. (С января 1904 г. надворный советник Л.Я. Штернберг был утвержден старшим этнографом Музея антропологии и этнографии.)

После внезапной смерти Н.А. Шабунина в сборнике Отделения русского языка и словесности Историко-филологического от-

деления Академии наук были опубликованы некролог в память о Н.А. Шабунине, написанный Н. Кондаковым, и путевые заметки о путешествии по северной части Архангельской губернии «Северный край и его жизнь». Фактически это был отчет Н.А. Шабунина о поездках в 1903–1904 гг.

Музей, конечно, был заинтересован в коллекциях по ненцам. В.В. Радлов в своем письме Н.А. Шабунину предупреждает его о том, что «о Канинской тундре говорят, что самоеды там значительно обрусели, желательнее покупать вещи только старые, которые дошли от дедов. <...> Вы должны снять не только все ведущие моменты жизни самоедов в течение какого-то времени, но и неважную жизнь во всех ее видах с раннего утра до часа сна: 1) утро: внутренность чума со спящими самоедами, 2) пробуждение, 3) завтрак, 4) приготовление пищи, 5) пеленание детей, 6) житье, 7) собирание ягод, 8) пастьба оленей, 9) запряжание саней, 10) закалывание скота, 11) выделка шкур, 12) ловля оленей арканом» (ПО АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 56. Л. 146–148). Следует заметить, что Шабунин с большим энтузиазмом и усердием, как он это всегда делал, изучал жизнь ненцев и собирал коллекции, но опубликовать его путевые заметки по тундре так и не удалось, хотя известно, что его вдова Ида Александровна Шабунина писала прошение на имя директора МАЭ с просьбой посодействовать изданию (ПО АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 57. Л. 141–141 об.).

Н.А. Шабунину в его собирательской деятельности в дальних и очень трудных поездках по губернии помогали местные жители, например священник Юромского прихода Мезенского уезда Архангельской епархии Аркадий Исадский. Именно он после смерти Н.А. Шабунина вел переписка с музеем и занимался пересылкой коллекций. Среди таких помощников оказался и Павел Емельянович Осипов. По поручению Н.А. Шабунина он покупал для музея различные вещи у самоедов. Эти предметы зарегистрированы за отделом Сибири в коллекции 1155 — 42 предмета самоедской одежды. Несколько предметов из этой коллекции имеют приписку «Получено через Осипова» (номера 23–30). Коллекцию 1154 составляют 44 предмета культа. Попали эти вещи в музей уже после смерти Н.А. Шабунина благодаря П.Е. Осипову. Сам Павел Емельянович Осипов жил в г. Мезени Архангельской губернии,

имел производство теплых оленьих сапог, пимов, туфель, шапок всех фасонов, малиц, приборы для дох неплюи, пыжики, оленьи головы с рогами. Н.А. Шабунин покупал у него для музея некоторые вещи. В Архиве РАН хранится счет на вещи, отпущенные Шабунину, от 7 мая 1907 г. Так, были куплены «малица детская с головой и рубаха пижемская

1 пара пимы илимские нарядные мужские

1 пара пимы женские невестины

1 пара пимы детские

1 пара пимы самоеда Канинской тундры

1 пара пимы рабочие» (ПО АРАН Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 61. Л. 204).

Уже после смерти Н.А. Шабунина Осипов продолжает переписку с музеем и закупает новые экспонаты. В архиве хранится несколько писем от него, датируемые концом 1910 г.

Крестьянину села Юрома Ефиму Проковьевичу Лимонникову Шабунин заказал сначала пять моделей, которые затем и были отправлены в музей. Среди моделей была модель летнего самоедского чума. Следует заметить, что Н.А. Шабунин приобретал коллекции и для Русского музея Александра III, и для Общества архитекторов. Так, из письма Н.А. Шабунина мы узнаем, что «в ящиках, отправленных в Музей Александра III, были уложены и три предмета, предназначенные для Музея Петра I: 1) чуны — сани для лесных промышленников, 2) лыжи, 3) спиленный с дома конек с оленьими рогами» (ПО АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 57. Л. 97).

Скончался Н.А. Шабунин 27 февраля 1907 г. в Петербурге, вскоре после того как вернулся из командировки на Канин полуостров. Как считала его вдова Аида Александровна Шабунина, он погиб «ради науки и искусства в расцвете сил и таланта» (ПО АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 57. Л. 141–141 об.).

Павел Емельянович Осипов в марте 1907 г., будучи уже в Москве, написал заявление следующего содержания:

«В бытность в г. Мезени 1906 и 1907 годов художника Николая Авенировича Шабунина, по поручению его я покупал вещи для этого Музея разные самоедские вещи, как то, пимы, малицы и проч. И все это уложено в ящик с его вещами и адресованы на

имя Музея. На мои вещи дан г-ну Шабунину подробный счет, по которому осталось с него дополнить 55 р.20к. Покорниши прошу Музей Этнографии означенную сумму выслать мне в г. Мезень или мои вещи (копию счета этих вещей я вышлю из Мезени).

И, кроме того, г-ным Шабуниным поручено мне собрать от самоедов следующие вещи: 1. Весь прибор для младенца самоеда, люльку, пеленки и пр. 2. Семейный знак самоеда, т.е. родословная запись. 3. Письма самоеда на палочках. 4. Табакерки разные старинные самоеда. 5. ... с прибором и с объяснением и еще кое-какие мелочи» (ПО АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 57. Л. 64).

Затем последовало еще одно письмо в музей от Осипова и еще одно, и счет на самоедские вещи: малица, пимы, костюм девушки. И, наконец, письмо от Осипова, где он пишет о вещах, собранных на старинном самоедском капище: «Русские называют это капище Кузьмин» (ПО АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 57. Л. 69–70). Несомненно, эти вещи дополняют сведения о жизни самоедов и их религии.

В письме к Л.Я. Штернбергу от 28 апреля 1906 г. из г. Мезени Н.А. Шабунин рассказывал о своей попытке добраться к ненцам за Полярный круг. «Из Мезени 12-го апреля я выехал далее на север, имея намерение пробраться к самоедам за Полярный кругом, но, отъехав сто верст (19 за Полярный круг) от г. Мезени, меня застигла такая столь внезапная и быстрая распутица, что мне положительно не посоветовали ехать дальше. Здесь я встретился с самоедским волостным писарем, старшиною и некоторыми самоедами, узнал, что самое лучшее и удобное с моею целью быть в полярных тундрах летом, т.к. в конце Канина мыса сосредоточивается жизнь самоедских огромными стадами оленей. Тут вся их жизнь — быт и промышленность налицо. Поездка по тундрам на оленях прекрасная (от становища к становищу) заветным самоедским уголкам тундры...» (ПО АРАН. Ф. 142. Оп. 1. № 58. Л. 36–36 об.).

В письме от ноября 1906 г. Л.Я. Штернбергу Н.А. Шабунин подробнейшим образом описывает свою поездку на Капище.

«Я все еще нахожусь в г. Мезени, с тех пор как вернулся из поездки в канинские тундры, т.е. наступил уже второй месяц. Дело в том, что я здесь должен был выждать наиболее благоприятного

морозного времени, чтобы пробраться на самоедское капище, чтобы исследовать его возможно тщательнее, но пробраться к нему почти невозможно ни в одно из времен года, разве только зимою, куда существует оленья дорога. Для моей задачи зима крайне неудобна, т.к. все под снегом и обход его (капища. — Л.Л.) с работаю немислим. На мое счастье ныне выпал благоприятный конец осени, т.е. наступили морозы, но снегу нет. Узнав, что тундра может поднять даже и лошадь, я с двумя проводниками, и двумя лошадьми направился к капищу через различные болота. Не доезжая верст 8 до капища, путь пересекла реченька, которая оказалось еще не в состоянии поднять своим льдом лошадь. Оставив при речке лошадей и одного проводника — направился со вторым — пешком. Без труда и благополучно дошли до знаменитого для всех самоедов и самого священного места. Это полоса девственного хвойного леса (исключительно ель и чахлая береза) шириною 1/4 версты прошла по пустынному месту по болотистой почве на протяжении нескольких десятков верст от берегов устья р. Мезени в северо-восточном направлении.

Та часть леса, в которой находится капище, разделена двумя болотистыми площадями, соединенные просекою. Эта часть леса местными жителями и называется с незапамятных времен “кузмин перелесок”. Самоеды же место это называют “Худыбей-Бодь”, т.е. место, требующее жертв и поклонение. Зайдя в капище, я сразу был поражен явными живыми и иногда еще сравнительно очень свежими и яркими признаками живущей здесь религии шаманской, исповедуемой самоедами, принявшими здесь христианство в двадцатых годах XIX века. Все капище занимает сравнительно небольшую площадь и только лесную часть. Фигурируют главным образом молодые ели и молодые березы, на сучьях которых и стволах я находил много различных привесов: различные веревочные петли — узлы, части украшений: одежд, оленей, сбруи, саней, кольца обручальные — перстни, части бубенчиков, колокол передового оленя, головной женский убор и пр. бубны (два) с истлевшей шкурою, черепа оленей с рогами на деревьях прикрепленных так, что мордою обращены к небу, находил их воткнутые рога в землю (мох) так же вверх мордою и настолько сросшие со мхом и обросшим, что рабочие с трудом извлекли красивые ветвистые

рога, стараясь сохранить весь их столь архаический вид. Нашел на суку старой ели на высоте человеческого роста два идола в костюмах “тадибея” — жреца. Оба вместе связанные плетеною веревочкою и привязаны к суку, на головах признаки давнишней крови. Величина их около четырех вершков, и еще нашел на стволу ели привешен идол металлический, к сожалению, с отломанною головкою.

Находил также черепа оленей с большими рогами, что во лбу около рог (видимо специально) продолблена дыра (с вершок в диаметре) и череп надет на довольно высокий кол, уже погнивший и также мордою к небу. Затем укреплен высоко на березе череп молодого белого оленя ярко свидетельствующий о том, что он недавно принесен в жертву, так как на голове еще не испортившаяся шкура и не сползла белая шерсть. Но таких самоедских идолов колообразных голых с нарезками, каких видел в Мезени, есть порядочное количество таких мне попало, но зато я нашел такие любопытные случаи приношения в жертву головы оленя, как, например, череп оленя был надет когда-то на живую ель, т.е. через пробитую во лбу дыру был просунут ствол ели, которая продолжала расти дальше и уже над черепом вытянулись длинные ветви ели. Таким образом, ель вознесла жертву самоеда к “сядано” до моего прибытия в капище сажени на три слишком от земли. Таких три случая (в такой форме жертвоприношения едва ли имеет какой из музеев этнографических). Эти сказочные ели с черепами оленей я сперва фотографировал, затем срубал ель и отпиливал по ту и другую сторону черепа оставляя ствол с сучьями около аршина с обеих концов.

Да и вообще все, что я находил в большом или сложном интересном положении — сперва фотографировал, а затем рубил. Также и два бубна, через которые вытянулась ель в несколько сажень. Сучки сами под корень обламывались, а те березки, которые наиболее густо увешаны на сучках и по стволу — забрал со стволами, с сучьями и привесами на них.

Кроме того, сфотографировано несколько видов капища и общий вид местности.

Всех стволов и отдельных сучьев до 40, а предметов на них насчитал, полагаю около 150, если не больше, черепов с рогами

9 или 10, некоторые с кольям и со стволами, но т.к. теперь здесь наступает ночной период, то за один день всю работу не кончил, да и на себе тащить до лошадей, оставленных у речки, много было невозможно, то пришлось через несколько дней еще раз побывать на капище, осмотреть и увезти остальное, т.к. второй раз я уже пробрался на лошадях до самого капища. Хотя и лошади сильно проваливались на топких местах тундры. Как я не старался совершить все это скрыто — выезжая в 3 часа ночи и возвращаясь в тоже время, но все-таки многие знают и советуют, не шутя, остерегаться мне ныне от самоедов, т.к. я окончательно разорил их священное место и осквернил.

Все вещи, вывезенные мною из Канина и из Капища, на днях уложены в большой ящик и получилось до 8 пудов весу. Вещи все больше мелкие и легкие. Но будет еще один небольшой ящик. Отправить думаю зимою — ныне на Архангельск на ж.д. берут за провоз 60–65 с пуда (от Мезени до Архангельска)» (ПО АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 57. Л. 104 об.)

«Относительно приобретения различных самоедских саней кроме тех, о которых я Вам сообщал нарядные женские выездные сани, стоящие довольно дорого и никак не меньше их оценивают сами самоеды как от 120 р. до 175 р. Со снастями — упряжью на 4 оленя. Осмотрев их подробно как материал его количество и качество, а главное «египетская» работа плетения и вышивки невольно заставляют примириться с такою ценою. Эти сани имеет только семья зажиточная и создаются они годами. Многие работы при санях выполняются по заказу и есть принадлежности покупаемые — как например, колокола и др. металлические предметы. Сани эти стали уже отживать свой век — моду — стали более редки, а потому если они для музея нужны, то советую надолго не откладывать. И лучше и удобнее, если бы распоряжения сделали нынче же, т.е. пока я здесь. Кстати приобрети и остальные три типа саней: 1 сани легковые или так называемые, “подгузенные” “Эдлес-Хань”, 2 сани “ути-о”, или “утицы”, для перевозки чума или багажа. На эти сани устанавливается и длинный гробообразного вида ящик — “ларь” для провизии и мелких хозяйственных вещей. Так что эти “утицы” я бы предложил приобрести с ларем. 3. Сани возовые — “дровнэ-э” <... > Теперь я, как и до исследо-

вания капища, работаю в старинных церквях г. Мезени, копирую древние символические иконы и орнаменты. Между ними есть чрезвычайно любопытные и замысловатые по своему символизму. Все выполняю акварелью в натуральную величину, строго соблюдая характер рисунка (калька) колорит и экспрессию лиц. Таких работ у меня накопилось всего более 40 штук. Скоро здесь работы эти кончаю и через неделю тронусь в русские деревни, кое-что имеется на примете зарисовать, фотографировать и приобрести, да заняться отправкою еще не отосланных приобретений» (ПО АРАН. Ф. 142. Оп. 1. № 58, Л. 105–106).

Все вещи, которые собрал Н.А. Шабунин у ненцев, и, конечно, ритуальные предметы с капища Кузьмин все-таки попали в музей.

Библиография

Сборник Отделения русского языка и словесности. Т. LXXXIV. № 1. СПб., 1907.

Хомич Л.В. Коллекции МАЭ по этнографии ненцев // Сборник МАЭ. Л., 1980. Т. 35. С. 49–56.

Е. М. Лупанова

ПАМЯТЬ О ВЫДАЮЩИХСЯ МИКРОСКОПИСТАХ ЭДМОНДЕ КАЛЬПЕПЕРЕ И ДЖОНЕ КАФФЕ НА ЭКСПОЗИЦИЯХ МАЭ РАН

Хоть острым взором нас природа одарила,
Но близок оногo конец имеет сила...
Коль многих тварей он еще не достигает,
Которых малой рост пред нами сокрывает!
Но в нынешних веках нам микроскоп открыл,
Что Бог в невидимых животных сотворил!
М.В. Ломоносов

Экспозиции «М.В. Ломоносов и Академия наук в XVIII в.» и «Первая астрономическая обсерватория Академии наук» со-